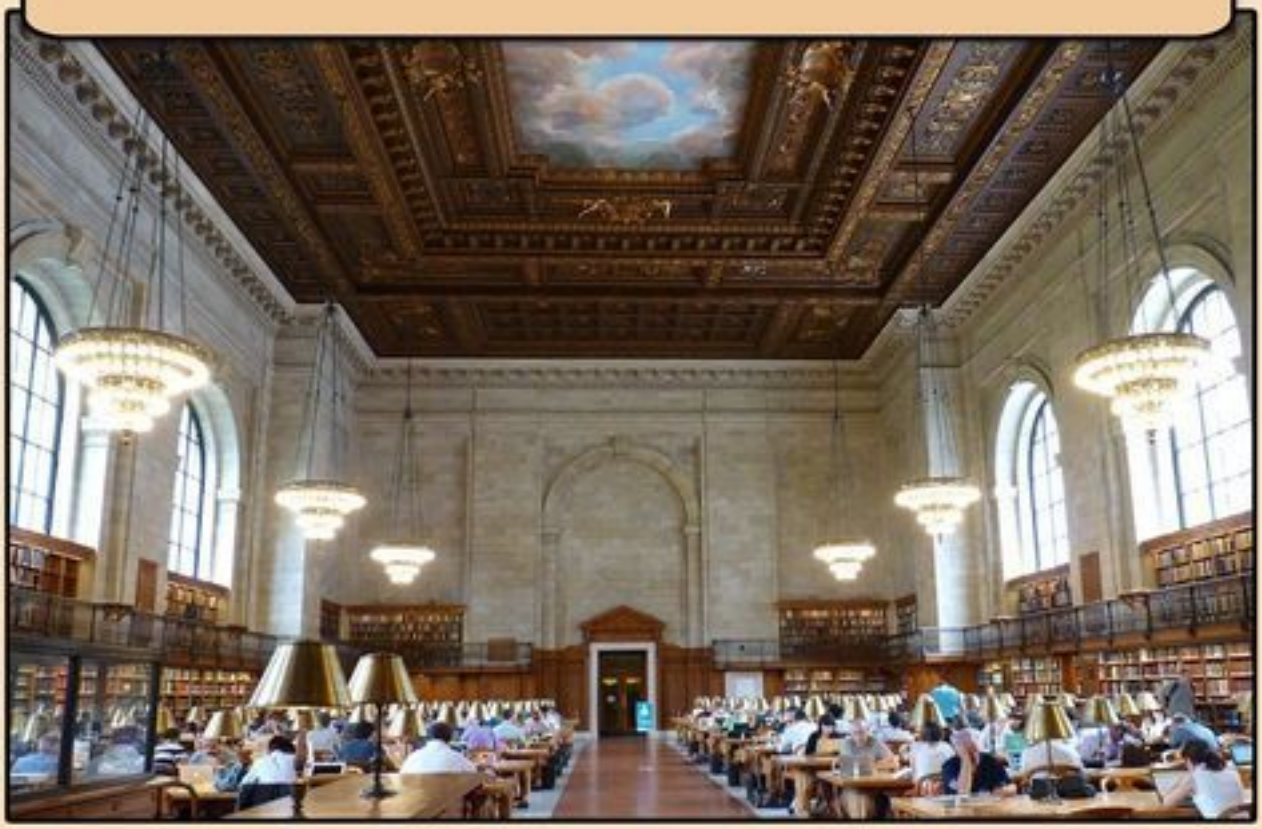
Фридрих Фурман

Как работает филантропия в США



Идеи и практика, ресурсы и организация

Фридрих Фурман

Как работает филантропия в США. Идеи и практика, ресурсы и организация

«Издательские решения»

2015

Фурман Ф.

Как работает филантропия в США. Идеи и практика, ресурсы и организация / Ф. Фурман — «Издательские решения», 2015

В книге исследуется многоликий и зачастую таинственный мир американской филантропии и сопряженной с ней сферы некоммерческих организаций. Рассмотрено разнообразие их идеологических и правовых концепций, организационных и экономических форм и представлены различные, часто конфликтующие, взгляды местных экспертов на понимание, роль и ресурсы филантропии в американском обществе. Повсеместно используются примеры из истории и современности, показывающие как на практике «работает» филантропия в США.

© Фурман Ф., 2015
© Издательские решения, 2015

Содержание

Предисловие 6
Введение 10
I. Сцены из жизни филантропии в США 23
Сбор пожертвований «из рук в руки» 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Как работает филантропия в США
Идеи и практика, ресурсы и организация
Фридрих Фурман

© Фридрих Фурман, 2015
© Екатерина Фурман, дизайн обложки, 2015
© Дмитрий Фурман, дизайн обложки, 2015

Корректор Елена Святская
Корректор Дмитрий Фурман

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие

Книга представляет читателям многоликий и изменчивый мир американской филантропии и сопряженного с ней сектора некоммерческих (бесприбыльных) организаций.

Мир, благодаря которому американцев часто называют самой филантропической нацией и который наглядно представляет уникальный феномен гражданского общества США. И вместе с тем, тот мир организаций, нередко называемый «индустрией филантропии», что служит одной из базовых основ американского социального государства.

Иллюстрацией беспрецедентных масштабов этой сферы, могут служить сведения о размере филантропических пожертвований, составивших в 2013 году около 335 млрд. долл., из которых более 80% поступает от индивидуальных жертвователей. Так же как и данные о стоимости услуг 1,5 млн. зарегистрированных бесприбыльных организаций – около 2 трлн. долл., численности их штатного персонала – 13,5 млн. чел. и волонтеров – 62 млн. человек[1].

Начиная с эры колоний и вплоть до Второй мировой войны, филантропия сыграла исключительную роль в рождении, становлении и обновлении в Америке гражданского общества, добровольческих ассоциаций, а затем и бесприбыльных организаций, составивших впоследствии третий сектор американской экономики (первые два – государство и частный бизнес).

Филантропия была в этом процессе, длившемся несколько столетий, ресурсом религиозным и светским, организационным и финансовым. И осуществляла она эти функции через лидеров и волонтеров ее организаций, светских и религиозных деятелей, общинных энтузиастов и публичных активистов и, разумеется, богатых доноров, которые нередко совмещали все эти роли в одном лице.

Поэтому одна из особенностей настоящей книги состоит в том, что исторически и экономически переплетенные в США сферы государства и гражданского общества, третьего сектора и филантропии рассмотрены здесь с позиций последней – как своеобразной «родоначальницы» остальных.

Другой особенностью книги является комплексный охват проблем филантропии в связке с указанными сферами.

С одной стороны, она показана в развитии: от становления ее идей и опыта в колониальную эру до стремительного скачка в масштабах и радикального изменения облика после Второй мировой войны – вплоть до последней рецессии и президентских выборов 2012 года.

С другой стороны, представлено разнообразие характеризующих ее понятий, идеологических и правовых концепций, организационных и экономических форм, стимулов и каналов поступления пожертвований и источников финансирования.

При этом рассмотрены различные и нередко конфликтующие взгляды американских исследователей, обозревателей и политиков на роль и характер деятельности организаций филантропии и независимого сектора в американском обществе. Предпринимая этот анализ, автор стремился более полно представить взгляды и подходы американских экспертов, чем свои комментарии к ним, предполагая, что для читателей первые интереснее вторых.

Чтобы справиться со столь непростыми задачами, автор попытался сочетать в книге формат монографии с доступными – не только для подготовленной, но и, как ему представляется, для более широкой читательской аудитории – содержанием и стилем изложения. В книге повсеместно используются наглядные примеры из истории и современности, дающие читателю возможность увидеть, как складывалась и работает филантропия в Америке.

---

[1] См.: 1) Giving USA 2014. 2) Brice S. McKeever and Sarah L. Pettijohn, *The Nonprofit Sector in Brief 2014*, Urban Institute, October 2014 http://www.urban.org/publications/413277.html. 3) Lester M. Salamon, *America's Nonprofit Sector: A Primer,* 3rd ed., Foundation Center, 2012.

Книга, над которой автор, проживающий в США с 1998 года, работал больше десяти лет, подготовлена им в качестве независимого исследователя на основе большого числа преимущественно американских научных и литературных, информационных и статистических источников, опыта волонтерства в здешних филантропических организациях, собственных наблюдений и исследований.

Подобная книга может быть интересна и полезна разнообразной читательской аудитории в России и других странах постсоветского пространства.

В первую очередь, работникам и волонтерам сферы благотворительных и некоммерческих организаций, филантропических фондов и всей инфраструктуры третьего сектора и гражданского общества, складывающихся в этих странах в последние десятилетия.

Книга может также заинтересовать студентов вузов, обучающихся по различным специальностям экономики и менеджмента организаций этой сферы; работников органов власти, регулирующих их деятельность; исследователей в научных и учебных организациях; работников медиа сферы, освещающих проблемы этой сферы как дома, так и в остальном мире.

Возможно, книга представит интерес и для более широкого круга читателей, желающих поближе, изнутри, познакомиться с таким ярким, необычным, а вместе с тем противоречивым феноменом социальной жизни американцев как филантропия.

Настоящее российское издание предпринято автором на основе представленной выше его книги «*О филантропии в Америке: от эры колоний до наших дней*», опубликованной (в его редакции) в одном и довольно объемном томе в 2013 году[2].

Цель нового издания – приблизить книгу, опубликованную в 2013 году, к заинтересованным читателям в России и других странах, имея в виду, что сейчас она доступна только на сайте компании Amazon. И чтобы, вместе с тем, сделать более удобным их знакомство с американской филантропией.

Поэтому данное издание выходит в 3-х компактных книгах (из них первые две входили в состав книги, изданной в 2013 году, а третья готовится к публикации):

Книга 1 – *Как работает филантропия в США.*
Книга 2 – *История филантропии в Америке.*
Книга 3 – *Анатомия филантропии в США*: *сколько и кто, как и кому?*

Предлагаемая здесь книга 1 – *Как работает филантропия в США* – начинается с сопоставления реальных сцен из жизни здешней филантропии как их описал журналист и социальный критик Карл Бакал в книге «Charity U. S. A.» (1979) и как они смотрятся в наши дни – более 30 лет спустя. Этот мозаичный исторический экскурс позволяет ввести читателя в мир организаций и деятелей здешней благотворительности и филантропии, показать не только преемственность их традиций, но и мощную волну новаторства в этой сфере.

Вряд ли можно далее углубиться в понимание явлений этого феномена, не рассказав о том, как сами американские ученые и политики, журналисты и активисты исследуют и оценивают его. Об этом говориться в главах, подробно освещающих «миролюбивую» терминологическую и «воинственную» политическую и идеологическую полемику вокруг филантропии в США.

Независимый, или третий сектор, охватывающий ныне 1,5 млн. некоммерческих организаций с услугами в 2 трлн. долл. и персоналом в 13,5 млн. человек, не считая волонтеров, – обширная тема следующего раздела. В нем идет речь о том, как здесь определяют и оценивают третий сектор – «смешанную экономику» американского социального государства, каковы ее

[2] Фридрих Фурман, *О филантропии в Америке: от эры колоний до наших дней*, Нью-Йорк, Create Space, 2013. http://www.amazon.com/On-Philanthropy-America-Colonial-Contents/dp/1492195308.

свойства и функции, масштабы и структура, источники финансирования, а также проблемы фандрайзинга.

Здесь же рассмотрена роль волонтерского движения, организованного под эгидой государства и бизнеса, а также неформального, идущего снизу, от «корней травы». В книге рассказано как государство опекает этот важный ресурс филантропии, организуя и стимулируя его во всех возрастных категориях: взрослых через AmeriCorps, пожилых через SeniorCorps, школьников и студентов через корпус Learn & Serve America.

В книге далее проведен анализ становления в США предпринимательской филантропии, часто именуемой филантрокапитализмом, начиная с его предтеч – Эндрю Карнеги и Джона Рокфеллера. Вслед представлена деятельность современных «филантрокапиталистов», таких как Билл Гейтс, Пьер Омидьяр, Джеф Сколл и Мухаммад Юнус, предложивших различные, нередко соперничающие версии социального предпринимательства и венчурной филантропии. Обсуждена полемика, окружающая эти новации в США, и рассмотрены разумные варианты союза предпринимательства и традиционной филантропии.

Доход и богатство частных лиц являются главным финансовым ресурсом американской филантропии. Поэтому в США на всех уровнях пристально изучают как общие факторы, связывающие филантропию и частное богатство, так и тенденции их развития. Особенно интенсивно их анализом заняты организации Gift Planning – специализированные фирмы прогнозного консалтинга и фандрайзинга.

Завершая эту книгу, автор подробно освещает эту сферу исследований «индустрии филантропии» в США. Рассмотрена полемика ученых и практиков вокруг прогнозируемых объемов завещательного трансферта богатства, доли в нем налогов, наследников и филантропии, ожидаемых сдвигов в демографии доноров, требующих кардинальных перемен в стратегии и тактике фандрайзинга.

В сравнении с первым изданием в настоящей книге обновлены, когда это было возможно, статистические данные, частично изменена ее структура, проведено уточнение и изменение текста, в частности в связи с появлением новых или обнаружением неизвестных ранее автору литературных источников. Выполнена также необходимая редакционная правка. Помимо постраничных примечаний, в конце книги представлен полный список использованной при подготовке книги литературы. Библиографическое описание источников в примечаниях и списке литературы дается в соответствии с облегченным «чикагским стандартом» (Chicago Manual of Style – CMOS).

При цитировании или изложении текстов из англоязычных источников они даны в переводе автора со ссылкой на их первоисточник. В тех случаях, когда используются опубликованные переводы англоязычных источников на русский язык, на них даются свои ссылки.

Считаю своим долгом от души поблагодарить всех, кто помогал мне подготовить и осуществить публикацию настоящего издания книги о филантропии в США.

Хочу выразить особую благодарность за позитивную оценку первого издания книги, поддержку ее продвижения к читателям и идеи о ее российской публикации *Мерсияновой И. В.* (Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Высшей школы экономики), *Бачинской Т. Я.* (Центр развития филантропии «Сопричастность»), *Апресяну Р. Г.* (Институт философии РАН).

Особенно важными были для меня помощь в распространении 1-го издания книги среди заинтересованных читателей и ценные советы по подготовке ее нового издания *Зевелева И. А.,* директора филиала Фонда Джона и Кэтрин Макартуров в России, и *Бахмина В. И.* – консультанта Фонда Чальза Стюарта Мотта в России.

Российское издание не могло бы состояться без новаторского коллектива компании Ridero.ru во главе с *А. Гавриловым* и *А. Касьяненко.* Всем им я весьма признателен за ценные консультации и техническую поддержку в процессе издания книги и ее продвижения.

Особая благодарность *Роману Иванову* (Москва), не только проявившему инициативу настоящего издания, но и активно продвигавшего его в жизнь, *Дмитрию и Екатерине Фурман, Александру Бейгельману* (Нью-Йорк) за их доброжелательную и высокопрофессиональную компьютерную и дизайнерскую поддержку издания, *Ирине Ивановой* (Екатеринбург) за ее искренний интерес к моим издательским проектам и помощь в их продвижении.

Елена Святская, моя жена, и в этот раз была моим терпеливым помощником и заботливым ангелом-хранителем, за что я вновь безгранично ей признателен.

Хотел бы еще раз выразить признательность всем, кто помог мне подготовить и выпустить предыдущее издание книги – без этих людей не было бы и настоящего. Именно с этой целью в конце книги размещен опубликованный ранее текст благодарностей, в который внесен ряд уточнений.

Конечно, я несу ответственность за все ошибки и упущения, наверняка имеющиеся в книге, и буду благодарен за замечания и предложения, которые можно направить по адресу fridrikhfurman@gmail.com

На лицевой стороне обложки:
Вверху — картина Питера Брейгеля Младшего (1564—1638) «Семь деяний милосердия».
Внизу – читальный зал Нью-Йоркской публичной библиотеки, построенной в 1911 году на пожертвования Сэмюеля Тилдена (Samuel Tilden), Джона Д. Астора (John Jacob Astor) и Джеймса Ленокса (James Lenox).

Введение

«Собирание исключительно крупных сумм денег, добровольно и от души жертвуемых миллионами наших сограждан, является уникальной американской традицией… Филантропия, благотворительность, добровольное пожертвование… называйте ее, как хотите, она – настоящее сокровище американской истории и повседневной жизни.»
Джон Ф. Кеннеди

Масштабы и повсеместность американской филантропии, этого исключительного явления американской национальной жизни, могут поразить воображение каждого, кто сталкивается с ней поближе. Как гость, новый житель или внимательный наблюдатель издалека.

С одной стороны, бесконечно повторяющиеся сборы пожертвований – на телевидении и в печати, по почте и телефону, на радио и через Интернет, на балах, собраниях, концертах и спортивных состязаниях, наконец, на улице и у дверей домов.

С другой, огромное число организаций и частных лиц, оказывающих благотворительную помощь миллионам нуждающихся в ней и многим сферам общественной жизни как в стране, так и за ее пределами. Практически каждый житель Америки, так или иначе, в той или иной форме – как жертвователь и волонтер, как получатель помощи и услуг, как жертвователь и получатель в одном лице – сталкивается со здешней филантропией.

Если не только присматриваться, но и участвовать в этой добровольческой по сути деятельности, если заняться ее внимательным изучением, возникнет образ могучей реки, собирающей свои воды из многочисленных источников и затем распределяющей их по высокоразвитой социальной «оросительной системе».

Необыкновенные масштабы филантропии в США наглядно иллюстрируют данные филантропической статистики.

Сбор, обобщение и анализ статистических данных о необозримой, весьма разнородной и мягко регулируемой государством сфере филантропии, так же, как и о рожденном и поддерживаемом ею независимом (третьем) секторе экономики, весьма затруднен. Однако их организации, взаимодействуя друг с другом и государством, научились достаточно обоснованно оценивать масштабы этих сфер.

Если говорить о сфере филантропии, то вот как выглядят ее базовые характеристики в последние годы[3]:

– 94,5% всех американских домохозяйств (семейств) направляли пожертвования филантропическим организациям;

– среднее пожертвование домохозяйства составляло 2974 долл. в год;

– общая сумма пожертвований американцев составила в 2013 году 335,0 млрд. долл. (в 2011 – 298,3);

– наибольшая доля пожертвований (72%) пришла от живущих индивидов (частных лиц) – 241,3 млрд.; вместе с их завещаниями (26,8 млрд. – 8%), сумма индивидуальных пожертвований составила 268,1 млрд., а их доля – 80%;

– пожертвования филантропических фондов в 2013 году составили 50,3 млрд., корпоративные пожертвования – 16,8 млрд.;

---

[3] См.: 1) Brice S. McKeever and Sarah L. Pettijohn, *The Nonprofit Sector in Brief 2014*, Urban Institute, October 2014. http://www.urban.org/publications/413277.html. 2) Giving USA 2014. 3) Lester M. Salamon, *America's Nonprofit Sector: A Primer,* 3rd ed., Foundation Center, 2012.

– в 2013 году основная сумма всех пожертвований (31%) поступила к религиозным конгрегациям и их благотворительным организациям, вслед за которыми шли – образование (16%), социальные (гуманитарные) службы (12%), грантодающие фонды (11%);

– в 2013 году филантропические пожертвования американцев составили около 2% валового национального продукта, и эта доля с небольшими отклонениями вверх и вниз, связанными с колебаниями в экономике, поддерживается на протяжении последнего полувека.

Представленные выше данные сами по себе производят внушительное впечатление, демонстрируя, с одной стороны, массовость филантропии в этой стране, а с другой, ее весьма значительные масштабы. В 2007 году, накануне последней рецессии, общая сумма пожертвований американцев, составившая по уточненным данным фонда Giving USA 344 млрд.[4], превышала выпуск продукции в таких отраслях экономики как нефтегазовая и металлургическая и была сопоставима с объемом производства в сельском хозяйстве и машиностроении.

Еще масштабнее выглядит американская филантропия при международных сопоставлениях.

Артур Брукс (Arthur C. Brooks), американский социолог, в статье «Нация благотворителей» (2008) утверждает, что ни одна из развитых стран мира не может приблизиться к размаху благотворительности американцев. Так, в 1995 году (ближайший год, для которого у него имелись сопоставимые данные) американцы жертвовали на душу населения в 3,5 раза больше, чем французы, в 7 раз больше, чем немцы и в 14 раз больше, чем итальянцы. Американцы, по мнению А. Брукса, также с большей охотой, чем европейцы, добровольно отдают благотворительности свое время: по сопоставимым данным 1998 года на 15% больше, чем голландцы, на 21% больше, чем швейцарцы, на 32% больше, чем немцы[5].

Не вызваны ли эти утверждения нередко встречающимся американским высокомерием и самодовольством? В какой-то мере это верно – во всяком случае, безаппеляционность утверждений Брукса. Но если иметь в виду существо дела, исключительность американской филантропии, включая и волонтерство, в сравнении с другими развитыми странами, не опровергает никто из серьезных исследователей этой сферы, включая европейских.

В 2006 году авторитетный британский благотворительный фонд *Charities Aid Foundation* (CAF), используя единую методику, сопоставил доли благотворительных пожертвований в валовом национальном продукте (ВНП) 12 развитых стран мира, охватывающих половину мировой экономики[6]. Доля пожертвований в ВНП по всей группе стран (в %) составила среднем 0,5. При этом имел место весьма значительный, если не огромный, отрыв занявших первое место США (1,67%) от идущих вслед за ними Великобритании (0,73), Канады (0,72), Австралии (0,69) и от стоящих на последнем месте Германии (0,22) и Франции (0,14).

Не вызван ли этот разрыв более высоким уровнем пожертвований церкви в странах со значительным влиянием религии? – задались вопросом британские исследователи.

Например, в США треть филантропических пожертвований поступает религиозным конгрегациям, в Великобритании – лишь 13%, тогда как в Германии имеется отдельный налог на их содержание. Исключение религиозных пожертвований лишь ненамного сократит разрыв – США все равно будет значительно опережать Великобританию (соответственно и остальные страны) по доле благотворительности в ВНП.

По мнению исследователей из CAF, большой отрыв американцев по доле пожертвований в ВНП может быть скорее объяснен тем, что США, с одной стороны, являются наиболее богатой страной мира, а с другой, имеют наибольшее среди развитых стран экономиче-

---

[4] Вместо предыдущей оценки в 306 млрд. http://www.philanthropy.iupui.edu/news/article/giving-usa-2013#sthash.t1zkK1pJ.dpuf – June 2013

[5] Arthur C. Brooks. *A Nation of Givers*. The American, Washington, DC, Vol. 2, No. 2, 2008.

[6] *International comparisons of charitable giving*, CAF briefing paper, November2006. http://www.cafonline.org/pdf/International%20Comparisons%20of%20Charitable%20Giving.pdf.

ское неравенство, частично компенсируемое филантропией. Вместе с тем, аналитики из фонда CAF признают, что международные сопоставления масштабов филантропии не только спорны, но и весьма затруднены.

Сложности таких сопоставлений, ставящие нередко под сомнение ранжирование различных стран по «уровню щедрости», вызваны рядом причин. Среди них крупные различия в перераспределении доходов и богатства через бюджет, видах и уровнях налогов на доход и отчислений на социальное страхование, выплатах из различных фондов социального обеспечения. Важной причиной разрыва в показателях «уровня щедрости» могут быть различия в культурных традициях тех или иных стран.

Тем не менее, в 2010 году фонд CAF предпринял еще более смелую попытку. Опираясь на данные регулярных опросов организации Гэллапа (Gallup. Ink), CAF впервые в истории филантропии провел ранжирование 150 стран мира по благотворительному поведению их граждан.

Сравнение проводилось с помощью Всемирного индекса благотворительности (World Giving Index – WGI), который учитывал три параметра – денежные пожертвования граждан организациям, добровольчество в организациях и прямая помощь незнакомым нуждающимся людям.

В 2011 году на первом месте с наибольшим индексом оказались США (в 2010 году на исходе рецессии у них было 5 место). Вслед за ними шли Ирландия, Новая Зеландия, Австралия и Великобритания[7]. США опережали остальные страны и в 2013 году, причем первое место по всем трем параметрам они сохранили за собой также в среднем за 5 последних лет, несмотря на «проигрыш» другим странам в те или иные годы по отдельным параметрам[8].

Ведущим фактором, объясняющим филантропическое превосходство американцев – не столько в вызывающих споры международных сравнениях, сколько в реальной жизни – следует считать роль, которую придают благотворительности и волонтерству в американской культуре и социальной политике государства. В большинстве европейских стран издавна господствует убеждение, что государство, а не филантропы и волонтеры, должны обеспечивать насущные нужды бедных и социальные потребности всех. В США, между тем, исторически сложилась стойкая традиция активного участия в этом деле филантропии и волонтерства, поддерживаемых десятками миллионов американцев, а не только лишь миллионерами и миллиардерами.

Эту особенность американской национальной жизни ярко описал в своей до сих пор знаменитой книге «Демократия в Америке» (1835) проницательный французский социолог маркиз *Алексис де Токвиль*, совершивший годичное путешествие-исследование по Америке в 30-х годах 19 века:

«*Политические объединения составляют лишь очень незначительную часть из того огромного количества разного рода ассоциаций, что существуют в Соединенных Штатах. …Американцы самых различных возрастов, положений и склонностей беспрестанно объединяются в разные союзы. Это не только объединения коммерческого или производственного характера, в которых они все без исключения участвуют, но и тысяча других разновидностей: религиозно-нравственные общества, объединения серьезные и пустяковые, общедоступные и замкнутые, многолюдные и насчитывающие всего несколько человек.*

Американцы объединяются в комитеты для того, чтобы организовывать празднества, основывать школы, строить гостиницы, столовые, церковные здания, распространять книги, посылать миссионеров на другой край света. Таким образом они возводят больницы,

---

[7] *World Giving Index. A Global View of Giving Trends*, CAF, 2011. https://www.cafonline.org/pdf/World_Giving_Index_2011_191211.pdf.

[8] См. https://www.cafonline.org/pdf/CAF_WGI2014_Report_1555AWEBFinal.pdf.

тюрьмы, школы. Идет ли, наконец, речь о том, чтобы проливать свет на истину, или о том, чтобы воспитывать чувства, опираясь на великие примеры, они объединяются в ассоциации. И всегда там, где во Франции во главе всякого нового начинания вы видите представителя правительства, а в Англии – представителя знати, будьте уверены, что в Соединенных Штатах вы увидите какой-нибудь комитет.

В Америке мне встречались такие ассоциации, о возможности существования которых, признаюсь, я не имел ни малейшего представления, и я часто восхищался той бесконечной изобретательностью, с которой жители Соединенных Штатов умеют внушать общую цель большому числу людей, добиваясь от них поддержки и готовности добровольно идти к ней»[9].

Устойчивая преемственность так живописно засвидетельствованной А. де Токвилем американской традиции неправительственной публичной деятельности подтверждают уже приводившиеся ранее данные об ее современных масштабах – 1,5 млн. только зарегистрированных бесприбыльных организаций (всего – 2 млн.) с доходом в 2 трлн. долл. (12,5% ВНП страны), их штатном персонале в 13,5 млн. работников (10% всех занятых) и более 65 млн. волонтеров (эквивалент 4,5 млн. чел. штатного персонала).

Эти показатели являются еще одним – наряду с приведенными выше данными о масштабе частных филантропических пожертвований американцев – свидетельством исключительности этой сферы американской публичной жизни.

Означает ли это, что и в наши дни, как во времена Токвиля, американский сектор бесприбыльных организаций является единственным и самым крупным в мире? Хотя в этом нередко уверены многие американцы, а иногда обозреватели и эксперты этой сферы, на самом деле, это не так.

В последние десятилетия активно развивается и обновляется третий сектор в европейских странах, о чем свидетельствует растущий поток не только академических, но и практических публикаций, посвященых новым формам его взаимодействия с бизнесом и социальным государством[10].

Происходящая в последние десятилетия «глобальная ассоциативная революция» привела – особенно после крушения коммунизма в СССР и странах Восточной Европы – к массированному взлету организованной филантропической и добровольческой активности, росту числа и силы некоммерческих организаций во всех уголках мира.

По данным Л. Саламона в Индии зарегистрировано 3 млн. некоммерческих организаций, что в 1,5 больше, чем в США. Доля персонала таких организаций в общем числе работающих в ряде развитых стран мира (Канада, Великобритания, Израиль, Новая Зеландия, Швеция) даже несколько выше, чем в США[11].

Набирают силу и приобретают опыт некоммерческие, включая благотворительные, организации во многих постсоветских странах, прежде всего – в России. Здесь активно изучают, используя как западный, так и местный опыт, проблемы становления гражданского общества, филантропии и некоммерческих организаций. Интенсивная работа в этом направлении проводится во многих научных центрах страны.

Среди них важная координирующая роль принадлежит Центру исследований гражданского общества и НКО Высшей школы экономики. По данным этого Центра в 2008 году в Российской Федерации действовало около 300 тысяч некоммерческих организаций, в которых было занято 700 тыс. штатных сотрудников и 2 млн. волонтеров[12].

---

[9] Алексис де Токвиль. *Демократия в Америке*. Москва, «Весь Мир», 2000, с. 378.

[10] См., например, *Hybrid Organizations and the Third Sector: Challenges for Practice, Theory and Policy*, ed. David Billis, Palgrave Macmillan, 2010.

[11] Lester Salamon, *America's Nonprofit Sector: A Primer*, 3 ed., Foundation Center, 2012, pp. 56—57.

[12] Наталья Гетьман, *Статистический портрет некоммерческого сектора России* , Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ—ВШЭ. http://opec.ru/1320628.html.

О прошлом, настоящем и о контурах будущего в российской филантропии пишут авторы монографии «Потенциал и пути развития филантропии в России» (2010), подготовленной под редакцией Л. И. Якобсона и И. В. Мерсияновой[13]. В ней отмечается, что в России филантропическая активность изучается пока очень фрагментарно. И что исследованиям здесь гражданского общества, в частности филантропии, включая их опыт в Европе и США, следует придать особую значимость. Это позволит, по мнению авторов, быстрее и рациональнее формировать институты и инфраструктуру этой сферы в России. В этой, можно сказать, прорывной работе рассматривается история и опыт филантропии не только в России, но и в зарубежных странах, в том числе в Европе и США, а также происходящее в России становление – с учетом местных особенностей – практик филантропии западного типа.

Российские исследователи давно и активно изучают опыт создания и функционирования некоммерческих организаций в США, экономики третьего сектора в целом, а также взаимодействия государства, бизнеса и некоммерческого сектора.

Фундаментальным проблемам сотрудничества власти и НКО в России с учетом и американского опыта посвящена монография В. Н. Якимца из Института системного анализа РАН «Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы (2004)[14].

В сборнике «Неприбыльный сектор США» (2008), совместно подготовленном В. Н. Якимцом и Стивеном Р. Блоком из США, детально рассмотрены правовые основы, масштабы, конкурентоспособность и эффективность американских «nonprofits»[15].

Исследованию экономики третьего сектора США также посвящены академические работы А. И. Шлихтера из ИМЭМО РАН. Среди них особый интерес представляют монография «Направления и механизмы взаимодействия социально-ответственного бизнеса с некоммерческим сектором США» (2010) и работа «Некоммерческий сектор США: ресурсы, области деятельности и эффективность» (2006)[16].

Наряду с этими и другими академическими работами выходит большое число публикаций прикладного характера, обобщающих практический опыт деятельности российских НКО и знакомящие с зарубежным опытом, в том числе и с американским.

Особая роль в продвижении отечественного и зарубежного «передового опыта» принадлежит крупным координирующим организациям в центре и в регионах.

Среди центральных ведущее место принадлежит Московскому Форуму Доноров, партнерству крупнейших российских и иностранных благотворительных организаций, работающих в России. Здесь, помимо напряженной консалтинговой и образовательной работы, активно обобщают богатый опыт растущего числа российских филантропических фондов – частных, корпоративных и фандрайзинговых, местного сообщества и целевого капитала[17]. И вместе с тем изучают и используют полезный в местных условиях опыт зарубежных, в том числе европейских и американских фондов.

---

[13] *Потенциал и пути развития филантропии в России*, под ред. И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона, М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.

[14] Якимец В. Н., *Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы*, М., Едиториал, УРСС, 2004.

[15] Стивен Р. Блок, Владимир Якимец, *Неприбыльный сектор США. Правовая основа, масштабы, конкурентоспособность, эффективность*, Москва, ЛКИ, 2008.

[16] 1) А. А. Шлихтер, *Направления и механизмы взаимодействия социально-ответственного бизнеса с некоммерческим сектором США*, Москва, ИМЭМО РАН, 2010. 2) Шлихтер А., *Некоммерческий сектор США: ресурсы, области деятельности и эффективность*, Мировая экономика и международные отношения, №8, 2006. http://www.socpolitika.ru/rus/ngo/foreign_experience/document4996.shtml.

[17] *Доклад о состоянии и развитии фондов в России в 2013 году*, М., Форум Доноров, 2014. http://www.donorsforum.ru/wp-content/uploads/2014/04/Doklad_2013.pdf

Среди региональных центров новаторским характером своих координационных, образовательных и и фандрайзинговых проектов отличается Центр развития некоммерческих организаций (ЦРНО) из Санкт-Перербурга.

Значительную роль в становлении и развитии третьего сектора в России играют информационные интернет-порталы НКО – универсальные или специализированные.

Среди первых – всероссийское «Агентство социальной информации». Оно объединяет в своей деятельности роли экспертной организации некоммерческого сектора и профессионального информационного агентства в сфере гражданского общества.

Среди специализированных важная роль принадлежит порталу «Бизнес и Общество», который также сочетает в своей работе обе упомянутые роли, но премущественно в сфере социальной ответственности корпораций.

Подготовкой кадров для НКО и консультированием тех, кто уже работает здесь заняты специализированные центры, факультеты и кафедры большинства вузов страны, так же как и упомянутые выше координирующие центры и информационные порталы.

Помимо них этой работой с 90-х профессионально занимаются образовательные и консалтинговые некоммерческие организации, такие, например, как портал «Школа НКО» и партнерство «Юристы за гражданское общество».

Наконец, имеется сеть организаций, занятых как популяризацией идей и опыта благотворительности, меценатства и филантропии, так и целевым сбором пожертвований. Среди них, например, портал Благо. ру, электронный журнал о благотворительности «Филантроп», информационный Интернет-портал «Меценат».

Однако даже принимая во внимание бурный рост во всем мире гражданского общества и его организаций и особенно впечатляющий их взлет в России, все же в целом – по финансовой и организационной мощи, разнообразию программ, форм и целей публичной активности, уровню ее эффективности (хотя и часто критикуемому, но достаточно высокому для такого рода организаций), наконец, по силе влияния на поведение и решения органов власти всех уровней и на общественное мнение, умению правовыми, а не насильственными, методами добиваться социальных изменений – по всем этим вместе взятым параметрам филантропия и третий сектор Америки пока не имеют себе равных в мире.

На естественный вопрос о причинах подобной исключительности, американские исследователи отвечают по-разному.

Большинство из них пытается отыскать ее истоки в условиях рождения и развития американской цивилизации в Новом Свете и в особенностях сложившегося здесь национального характера американцев.

Случайно ли то совпадение, что американский народ – один из самых свободных в мире, более всех других пропитанный предпринимательским и религиозным духом, является также и наиболее филантропической в мире нацией? Таким риторическим вопросом задаются авторы статьи под многозначительным названием «*Необыкновенная нация: американская филантропия исключительна, потому что сама Америка исключительна*»[18].

Звание «исключительной нации», пишут ее авторы, впервые присвоил Америке Алексис де Токвиль. Именно он, а вслед за ним и другие историки, признали, что Америка – это не просто хорошо принявшийся на новом континенте отросток европейской культуры, а скорее уникальный организм, развившийся в упорном поиске свободы и экономических возможностей в самостоятельную цивилизацию. В своем развитии она постоянно демонстрирует глубокую укорененность в традициях персональной свободы, предпринимательства и демократических институтов, защищающих права личности.

---

[18] Alexander C. Karp, Gary A. Tobin, and Aryeh K. Weinberg, *An Exceptional Nation: American Philanthropy is Different Because America Is Different*, Philanthropy Roundtable, November/December 2004.

Американцы в подавляющем большинстве исповедуют сильную веру и в свободный рынок, и в мощь закона, отдавая, однако, предпочтение свободе действия больше, чем ее ограничениям. Они уважают активную личность и поддерживают децентрализацию в бизнесе и государственном управлении, чтобы предоставить людям допустимый максимум свободы в их продуктивной и творческой деятельности, в том числе, в распоряжении своим доходом и капиталом.

Демонстрируя даже в тяжелую пору редкостный персональный и социальный оптимизм, основанный на вере в неограниченные возможности и прогресс страны, американцы уверены, что могут, если не обязаны, добиться успеха во всех областях жизни, включая усилия частных лиц в поддержке своей исключительной филантропии.

Есть, продолжают авторы, и другая особенность американской цивилизации, важная для объяснения этого феномена. Это – религиозность американцев, их библейская и евангельская вера в обязанность помогать ближнему, бедному и страждущему. Религиозность в ее самых разнообразных формах глубоко проникла в повседневную жизнь и души большинства американцев. Около 90% взрослых жителей США так или иначе, в той или иной форме признают существование Бога, что превращает эту страну в наиболее религиозную среди всех высокоразвитых стран мира.

Необычная комбинация свободолюбия и религиозности, предпринимательского корыстолюбия и филантропической щедрости – факторов обычно взаимоотталкивающихся, но на американской почве как раз взаимно усиливающих друг друга – и может, заключают авторы свой панегирик, объяснить исключительность здешней филантропии и бесприбыльного сектора.

Широко распространено объяснение необычности американской филантропии особенностями здешнего капитализма, часто заправленное солидной порцией апологетики.

По мнению *Золтана Акса* (Zoltan J. Acs), одного из ведущих исследователей предпринимательства в США, главное его отличие от других форм развитого капитализма (японского, французского, немецкого и скандинавского) в том, что здесь исторически сложился мощный акцент не только на *создании* богатства с помощью предпринимательства, но и на его *воспроизводстве* через филантропию.

Филантропия встроена здесь в «социальный контракт», который предусматривает, что на определенном рубеже накопленное богатство должно быть возвращено обществу. Оно, в свою очередь, использует его для стимулирования нового витка предпринимательства в его самых разнообразных формах – от творческого подъема в сферах образования, науки и искусства до рождения новых видов деловой и социальной активности, способствующих процветанию общества в целом. Короче говоря, хотя частные лица и обладают здесь свободой накопления богатства, оно в своей значительной части должно быть через филантропию вновь инвестировано в общество, чтобы расширить новые возможности для предпринимательства.

Именно таким образом, считает З. Акс, шло развитие промышленного капитализма в Америке в последние полтора столетия. В течение этого периода большая часть нового богатства была передана его наиболее крупными владельцами, такими как Рокфеллер и Карнеги, Морган и Меллон, обратно в руки общества через создание филантропических фондов – тех знаменитых социальных институтов, которые исторически прокладывали путь новым виткам экономического подъема[19].

Сходную точку зрения, в которой апологетика уже смешалась с патетикой, выразила *Клэр Години* (Claire Gaudiani), известный автор, историк и практический деятель здешней филантропии.

---

[19] Zoltan J. Acs et al, *The Entrepreneurship-Philanthropy Nexus: Nonmarket Source of American Entrepreneurial Capitalism*, June 2007, Hudson Institute Research Paper No. 07—04. http://ssrn.com/abstract=1019443http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1019443.

В книге с выразительным названием «*Высшее благо: как филантропия стимулирует американскую экономику и может спасти капитализм*», она признает, что, хотя это утверждение может показаться слишком сильным, *нечто важное* действительно спасло капитализм в Соединенных Штатах. И это «нечто важное» работает здесь так, как нигде иначе. Разве и капитализм, и демократия не работают в Америке лучше, чем где бы то ни было? Тому должна быть причина и, по мнению Клэр Години, ею является здешняя филантропия, или, по ее определению – великодушие Америки и вытекающая отсюда щедрость ее граждан.

Ее книга и посвящена доказательству того, что гражданское великодушие и щедрость американцев в течение почти двух столетий создали социальную среду, в которой капитализм может – даже проваливаясь периодически в кризисы – процветать, не разрушая при этом демократию. Более того, гражданское великодушие американцев, дополняя здешний капитализм, становится одной из движущих сил его устойчивости.

Иллюстрируя хрупкий баланс демократии, капитализма и филантропии и их совместный вклад в социальное благополучие по-американски, К. Години предлагает вообразить, как будут выглядеть крупные города Америки, если в них вдруг исчезнут здания, основанные и финансируемые частными донорами – госпитали, музеи, университеты, театры.

Она предлагает также представить себе рабочий день, в течение которого люди, получившие образование, благодаря стипендиям для нуждающихся студентов, оплаченных частными пожертвованиями, останутся дома на неделю – опустеют их офисы, лаборатории, классные комнаты, творческие студии, залы судов. Или что исчезнут все изобретения и исследования, лекарства и медицинское оборудование, разработка которых на начальной и нередко на последующих стадиях финансируется частной филантропией. Что вдруг, наконец, исчезли многие тысячи независимых организаций, поддерживаемых пожертвованиями миллионов американцев. Нет больше, к примеру, таких гигантов, как United Way, American Cancer Society или Alcoholic Anonymous.

Великодушие в этой стране, – завершает автор этот пассаж, заполненный, как и вся ее книга, не только патетикой, но и доказательствами – это не роскошь, а культурная норма, определяющая характеристика здешней успешной, по ее убеждению, экономики и общества[20].

Далеко не все, точнее – лишь немногие, авторы столь восторженно, как Клэр Години, относятся к великодушию и щедрости американцев, воплощенной в их филантропии.

В разрез с ее, нередко сентиментальной апологией, *Дэвид Вагнер* (David Wagner), в молодости социальный активист, а затем университетский профессор социологии, представляет также немногочисленную, но весьма активную группу идеологических, или, как здесь принято говорить, социальных критиков роли филантропии в американском обществе.

В книге с красноречивым названием «*Что тут общего с любовью? Критический взгляд на американскую благотворительность*» (2000) Д. Вагнер, отражая крайне левую критику филантропии при капитализме, стремится разоблачить, по его выражению, «сам себя прославляющий миф об американской благотворительности»[21].

Немногие общественные институты в Америке, пишет он, столь священны и превозносимы как ее филантропия и все более приватизируемый сектор социальных услуг. Позитивное к ним отношение – как минимум, риторически – объединяет здесь бизнес и труд, либералов и консерваторов, католиков и протестантов, евреев и мусульман, белых и цветных. Становится все более популярным в стране мнением, что они могут заменить структурные социальные изменения, требующие радикального перераспределения дохода и позволяющие по-настоящему помочь широким массам бедных и нуждающихся американцев.

---

[20] Claire Gaudiani, *The Greater Good: How Philanthropy Drives the American Economy and Can Save Capitalism*, Times Books, 2003, pp. 1, 9—11

[21] David Wagner, *What's Love Got to Do With It?: A Critical Look at American Charity*, New Press, 2000.

Вместо «социального благополучия» европейского типа с гарантированным правом на обширную социальную помощь, – сетует автор, – им, начиная с социальных программ «Великого Общества» Кеннеди-Джонсона предлагают «гуманитарные и социальные услуги» добровольческого сектора. Их получение даже в весьма скромных размерах часто обуславливается унизительными процедурами «социальной инженерии» – воспитательными рекомендациями, отсевом клиентов, «незаслуживающих» помощи, отправкой на общественные работы и т. п.

Ностальгически вспоминая свою молодость, Дэвид Вагнер с сожалением отмечает, что бурное развитие в последние полвека бесприбыльного сектора привело к деполитизации и угасанию не только радикального левого, но и соглашательского либерального движения в стране. Многие тысячи его воинственных и умеренных активистов, так и не достигших в полной мере своих социальных целей, были «инкорпорированы» организациями третьего сектора и филантропии в качестве их лидеров и сотрудников.

Отражая давно известную марксистскую (по меньшей мере, левую) критику филантропии при капитализме, Вагнер утверждает, что когда жгучие социальные проблемы пытаются решить с помощью благотворительности, это означает поддержание экономической системы, в которой сохраняется острое неравенство, требующее нового подъема левого движения.

В своей книге он даже рассматривает альтернативу кардинального решения проблемы неравенства – в противовес филантропии и добровольческому сектору. Такой альтернативой он считает предлагаемые социалистами, коммунистами и анархистами эгалитарное общество и уравнительные общины, отсылая читателей к многочисленным примерам последних как в прошлой, так и в современной истории Америки.

Конечно, можно понять, что в книге, опубликованной в 2000 году, на пике экономического подъема в США, Д. Вагнер не смог предвидеть разразившуюся семь лет спустя Великую Рецессию и новый подъем социального движения – по преимуществу либерального, а не радикального – за уменьшение неравенства. Именно на волне последнего, весьма активно поддержанного филантропией и волонтерами независимого сектора, дважды смог победить на президентских выборах Б. Обама с его программой перераспределения через налоги доходов и богатства в пользу среднего класса.

Но как так получилось, что этот автор не заметил происшедшее за десять лет до выхода его книги крушение самой знаменитой «эгалитарной альтернативы» – советского социализма и последовавший за ним взлет, как на постсоветском пространстве, так и во всем мире добровольческого сектора и поддерживающей его филантропии?

Уникальная роль этих сфер в американском обществе подвергается идеологической критике не только с левого, но и с правого фланга. Здесь особенно активны либертарианцы, которые вслед за Людвигом Мизесом и Фридрихом Хайеком требуют большей экономической свободы и ограничения роли государства не только для бизнеса, но и для добровольческого сектора.

Они, конечно же, признают фундаментальную роль последнего в американском наследии, утверждении и поддержке национальных традиций плюрализма, демократии и общинного духа взаимопомощи. Однако считают ущербным, искажающим природу независимого, специфически американского, бесприбыльного сектора, обширные масштабы его партнерства с государством, особенно федеральным, и растущую зависимость от его регулирования и финансирования.

Могут ли быть добровольческими и подлинно независимыми организации, предоставляющие населению социальные услуги, если они получают на эти цели от государства почти 40% своих доходов? Не лучше ли, по мнению правых критиков, освободить их от этого бремени зависимости, сократив неподъемные социальные программы и остановив вызванный ими

рост налогов, подавляющий экономический рост? Не следует ли допустить в эту сферу более эффективный частный бизнес[22]?

В этом пункте их левые оппоненты могли бы противопоставить им тот аргумент, что уже сейчас доля частных доходов социальных организаций третьего сектора выше 50% и что эта доля по необходимости растет как раз из-за недостатка финансирования государства…

Если перейти с крайних флангов в центр оценок филантропии и независимого сектора в американской литературе – она столь же огромна и разнообразна, как и области деятельности, которым она посвящена, – выяснится, что большинство исследователей и обозревателей избегают крайностей – безоговорочного восхваления или безудержной критики.

Они предпочитают *не идеологический, а историко-аналитический подход* , позволяющий дать взвешенную оценку роли филантропии и независимого сектора, встроенных в американский вариант социального государства. Они соглашаются со своеобразием и даже исключительностью этих сфер. Однако, анализируя их истоки и естественную эволюцию в рамках американской цивилизации в прошлом и огромную роль в современной жизни, они также признают их ограниченность, а то и пороки. И несомненную нужду в публичном контроле и регулярном обновлении.

Известные американские историки Роберт Бремнер и Дэниел Бурстин наиболее наглядно, на наш взгляд, демонстрируют этот подход.

Роберт Бремнер (Robert Bremner), автор классической работы «Американская филантропия» (1960, 1988), пишет во введении к ней, что начиная с 17 века, когда Коттон Мэзер, пуританский священник из Бостона, объявил, что здешняя доброжелательность и постоянная готовность помогать ближним хорошо известны и благоприятно воспринимаются на Небесах, американцы считают себя наиболее филантропической нацией в мире[23].

В наши же дни почитание здешней филантропии достигло таких высот, что почти невозможно найти газету или журнал, в которых – от редакционных статей до рекламных объявлений – не раз напомнят, что Соединенные Штаты это «страна с отзывчивым сердцем», что благотворительность это «великая американская игра» и что ее филантропия – одна из «ведущих индустрий века».

Американцы, кажется, никогда не устают говорить или слышать, что они чрезмерно, иногда до безобразия, щедры, являясь наиболее сострадательной и великодушной нацией в мире. Филантропическая черта их национального характера считается столь очевидной, даже фатальной, что иногда воспринимается скорее как слабость, а то и порок, чем как ценность или добродетель, – пишет Бремнер, стремясь уйти от одного лишь превознесения американской щедрости.

В итоге слово «филантропия» и идеи, стоящие за ним, вызывают смешанные чувства в сердцах американцев. Многие из них опасаются злоупотреблений щедростью их соотечественников, и они действительно имеют место. Они также озабочены тем, что распределение пожертвований, нередко достигающих десятков, а то и сотен миллионов долларов, проводится по личному усмотрению доноров и контролируемых ими частных фондов. Это может нарушить демократические устои американского общества, и социальные критики приводят тому немало сильных аргументов, иллюстрируя их яркими примерами.

Конечно, американцы в целом искренне хотят помочь другим. Но они нередко недостаточно скромны в оценке усилий тех, кто стремится им помочь, проявляя высокомерие индивидуалистов, стремящихся встать на ноги самостоятельно, и им иногда присуще пренебрежительное отношение к тем, кто пользуется услугами филантропических учреждений.

---

[22] Prychitko, David L. and Boettke, Peter J., *Is an Independent Nonprofit Sector Prone to Failure? An Austrian School Analysis of the Salamon Paradigm and the Lohmann Challenge*, Conversations on Philanthropy, Vol. 1, pp. 1—40, Donor Trust, 2004.

[23] Robert Bremner, *American Philanthropy*, 2nd ed., 1988, University of Chicago Press, pp.1—3.

Вместе с тем, многие американцы считают, что богачи с их умножающимся состоянием, просто обязаны проявлять растущую щедрость, и безоглядно критикуют их, когда они так не поступают. Когда же пожертвования, особенно крупные, обещаны или делаются, пресса и широкая публика может поставить под сомнение мотивы жертвователей, осуждать способы приобретения их непомерных состояний и слишком пристрастно разбираться в том, не принесет ли их дар больше вреда, чем добра.

Однако, одобряем ли мы филантропию или отвергаем ее, заключает Бремнер, фактом, издревле подтвержденном историей, является ее роль одного из важных способов социального прогресса. Не нужно преувеличивать масштабы здешней филантропии для признания большой роли добровольной щедрости, выполняющей важные функции в американском обществе.

Здесь, как и повсюду, филантропия в наши дни охватывает гораздо более широкую сферу, чем сложившаяся тысячелетиями благотворительность для бедных. Поддержка бедных не является теперь единственной или главной заботой филантропии в развитых странах, тем более, что эту заботу, в основном, взяло на себя государство. Целью современной филантропии – в ее широком смысле – является повышение качества человеческой жизни. Какие бы мотивы ни вдохновляли пожертвования отдельных филантропов, цель собственно филантропии – продвигать благополучие, счастье и культуру человечества. И критикуя филантропию, если она того заслуживает, задает вопрос Бремнер, стоит ли забывать о том, что мы все, в той или иной степени, являемся ее пользователями – когда учимся в колледжах, посещаем церкви, музеи, концертные залы или библиотеки, лечимся в госпиталях или отдыхаем в парках?

Большинство из нас регулярно или эпизодически использует услуги организаций и агентств, которые теперь оплачиваются из бюджета государства, то есть за счет всех налогоплательщиков. Но знают ли многие, что первоначально они возникли как благотворительные учреждения, созданные по инициативе и за счет частных жертвователей? Можно ли забыть, что неоспоримое американское превосходство в списке нобелевских лауреатов во многом обеспечено не только их талантами и средствами госбюджета, но и пожертвованиями за счет огромного частного богатства?

Поэтому следует по достоинству, считает Бремнер, оценить тот факт, что в США до сих пор продолжают опираться на свою уникальную филантропию в развитии научных исследований, социальном экспериментировании, в распространении знаний во всех областях образования.

По мнению *Дэниела Бурстина* (Daniel Boorstin), известного исследователя истории американской цивилизации, вряд ли верно утверждать, что американцы по своей природе более самоотверженны или альтруистичны, чем другие. Дело в другом – особенная ситуация американской истории вынудила жителей этой страны стать такими и придала особый характер их усилиям делать добро частным образом[24].

Следует, однако, иметь в виду, пишет Бурстин, не только исключительные возможности американской филантропии, предоставляемые огромным богатством, но и соблазн лицемерия и изворотливости, охватывающий многих крупных филантропов, когда речь идет об использовании льгот, предоставляемых американским налоговым законом.

Бурстин говорит не столько о жадности, сколько о естественном для человеческой природы соблазне сбережения своего состояния, который у некоторых, правда, может стать и самоцелью. Он при этом с сожалением замечает, что нередко, особенно за пределами Америки, только этим стимулом пытаются объяснить уникальную щедрость миллионов американцев, особенно миллионеров и миллиардеров, и что подобное представление на самом деле не отражает ни историческую традицию, ни современную ситуацию в здешней филантропии.

---

[24] Daniel Boorstin, *Editor's Preface* – In R. Bremner, *American Philanthropy*, 1988, pp. v-vii.

Еще резче это возражение сформулировал *Дэниел Роуз* (Daniel Rose), крупный предприниматель и известный своей щедростью филантроп. Многие, особенно иностранцы, пишет Роуз в одном из эссе об американской филантропии, убеждены в том, что американцы потому так щедры, что их пожертвования вычитаются из налогов[25]. На самом деле, считает Роуз, все как раз наоборот. Пожертвования вычитаются из налога на доход (и то лишь их установленная законом часть) потому, что люди добровольно жертвуют, так как правительство рассматривает мир частной филантропии как своего партнера в решении социальных проблем и желает поощрить дальнейшие вклады активных доноров в эту сферу.

Роуз напоминает, что формально федеральный налог на доход был введен 16-й поправкой Конституции лишь в 1913 году и что размер этого налога стал существенным лишь в 1935 году в связи с Великой Депрессией. Вплоть до 1932 года главным источником федерального бюджета были таможенные пошлины, не имевшие (и не имеющие до сих пор) отношения к льготам для дарителей. И не стоит забывать, что все ведущие американские университеты, библиотеки, музеи и госпитали были построены, а нередко и содержались, на пожертвования филантропов задолго до того, как снижение налогов стало для них материальным стимулом.

И все же Д. Бурстин, искушенный знаток американской истории[26], настаивает на противоречивости здешней филантропии.

Невозможно отрицать, отмечает он, что американцы, как и все люди, просто хотят помочь своим ближним и, как мы знаем, делают это в исключительных масштабах.

Но вместе с тем факты их истории – колониальное происхождение, американская революция, институт рабства и усилия по его отмене, неудержимый рост индустриального богатства и связанных с ним американских жизненных стандартов – все эти факты демонстрируют как искушение злоупотребить лозунгами филантропии в личных, политических и экономических целях, так и возможности для проявления незамутненного, искреннего филантропического духа.

Критикуя, и нередко беспощадно, свою филантропию, ее доноров и деятелей, большинство американских авторов занимается этим строгим делом любя – ради поддержания финансового и морального здоровья этой важной опоры американского общества.

Свою острокритическую книгу «*Американская филантропия изнутри: драмы донорства*», посвященную противоречиям жизни и деятельности основателей знаменитых филантропических фондов Америки, *Вольдемар Нильсен* (Waldemar Nielsen) заключает следующим пассажем, близким к апофеозу своих героев (им же мы и завершим введение к книге):

«В течение двух столетий Америка создала исключительную традицию поощрения благотворительности, создания частных фондов и добровольчества ее граждан. В этой истории деятельность большинства ведущих филантропов Америки остается, однако, малоизвестной, во всяком случае, по сравнению с ее популярными героями и антигероями в политике, военном деле и индустрии.

Тем не менее и у американской саги филантропии есть свои герои, неудачники и посредственности. В ней также присутствует исключительное и часто не замечаемое героическое свойство, присущее многим – дух и обычай доброжелательности и самоотверженности, благотворительности и добровольчества миллионов американцев…

Эта сага американской филантропии продолжается во все более широких масштабах и в наши дни. Соединенные Штаты, еще больше, чем в прошлом, полны острых проблем, но у них также больше, чем у кого бы то ни было миллионеров. И это счастливое совпадение,

---

[25] Daniel Rose, *The American Philanthropic Tradition,* Executive Speeches, Feb/Mar2004, Vol. 18, Issue 4. http://connection.ebscohost.com/c/speeches/12465185/american-philanthropic-tradition.

[26] Это его перу принадлежит знаменитая трилогия «Американцы», посвященная историческому опыту Америки и изданная на русском языке в 1993 году.

потому что уникальная традиция частной филантропии Америки может явиться одним из наиболее полезных инструментов в их решении»[27].

[27] Waldemar Nielsen, *Inside American Philanthropy: The Dramas of Donorship*, University of Oklahoma Press, 1996, pp. 269—270.

I. Сцены из жизни филантропии в США

Карл Бакал, писатель и социальный критик, начал свою примечательную по стилю, содержанию и выводам книгу-расследование Charity U. S. A. («Благотворительность по-американски») с реальных сцен филантропической жизни Нью-Йорка вдоль и окрест 5-й авеню[28].

То, что происходит в этой специфической сфере американского бытия, нередко действительно напоминает театральное представление. Живописные сцены этого представления происходят с участием его, так сказать, режиссёров и актеров, дирижеров и оркестрантов, зрителей партера и галерки, и наконец, публики, хотя и не попавшей в зал, но активно участвующей в массовках на прилегающих улицах и площадях. В спектаклях этого «филантропического театра» без очевидного принуждения и даже с неким удовольствием принимает участие практически вся страна, поскольку обычай благотворительности, как уже говорилось ранее и как мы попытаемся показать далее – неотъемлемая черта национального характера американцев.

К. Бакал написал свою книгу – одну из сотен, если не тысяч «книг-сценариев» для и об этом театре – более 30 лет тому назад. Но большинство его зарисовок как будто взяты из современной жизни филантропии в Америке, если судить по обильному потоку сообщений о ней в литературе, текущей прессе, на радио, телевидении и в Интернете, а также по наблюдениям и исследованиям автора настоящей книги.

Начиная ее, он предлагает читателям взглянуть – хотя бы мельком, если с «галерки», и более внимательно, если из «партера» – на живописные сцены «театра филантропии» и их исполнителей, какими их видел К. Бакал (его тексты даны наклонным шрифтом), и как они выглядят и действуют в наше время.

Не лучший ли это способ начать более близкое знакомство с бесконечно восхваляемой, часто беспощадно критикуемой, а то и поносимой «индустрией филантропии» в Америке?

[28] Carl Bakal, *Charity U. S. A.*, New York, Times Books, 1979.

Сбор пожертвований «из рук в руки»

*На 5-й авеню в Нью-Йорке, неподалеку от входа в фешенебельный магазин Сакс, стоит старый человек в выцветшей пятнистой армейской куртке и черной вязаной шапочке, позвякивая консервной банкой с мелочью. С его шеи свисает кусок картона с написанной от руки просьбой: «**Пожалуйста, помогите. Я – слепой. Спасибо! Да благословит Вас Бог!**» У его ног сидит черная немецкая овчарка, шея которой обвязана галстуком в красно-белую полоску. Все это вместе – нищий, с его слепыми, слезящимися и в красных пятнах глазами, и его собака – составляли столь трогательную сцену, что мало кто мог отказать ему, и монеты со звоном сыпались в консервную банку.*

К. Бакал (и мы вместе с ним) начинает свое «путешествие по американской филантропии» вдоль 5-й авеню со сцены нищенства – самой простой и самой древней формы благотворительности. Поэтому прежде, чем рассказать о том, как оно выглядит в Америке в наши дни и как с ним здесь управляются, уместно дать общее представление о нищенстве как социальном феномене в его религиозном и историческом контексте.

Акт попрошайничества – явление столь же древнее, как и само человечество. И как считают антропологи, возможно, еще более древнее, если принять во внимание, что выпрашивание мяса распространено у шимпанзе – наших ближайших родственников. Антропологи также отмечают, что обычай выпрашивания друг у друга и дележа мясом с сородичами, весьма распространен у современных примитивных племен охотников и собирателей. Этот обычай является у них и должен был быть у древнейших людей – по соображениям общего выживания – проявлением взаимного альтруизма и опорой их примитивной культуры. Закрепившись в религиях всех народов, обычай сострадательно относиться к своим нуждающимся, а впоследствии и ко всем, просящим помощи-подаяния, сопровождается призывом проявлять милосердие и давать милостыню.

Подача милостыни – самое элементарное проявление милосердия, а нищенство, существуя испокон веков, останется, скорее всего, и в обозримом будущем. Пока будут существовать социальное и экономическое неравенство, бедность и богатство, житейские невзгоды и болезни. Кроме того, всегда были, есть и будут люди, которым этот способ существования ближе, чем презренный, на их взгляд, труд, или те, у которых не оказывается иного выбора.

О нищенстве как об одном из самых древних промыслов, доставляющих средства для выживания, нередко скромного достатка, а иногда и немалого обогащения (если попрошайничество становится профессией) подробно пишут авторы российской монографии с выразительным названием «Бредущие среди нас»[29].

О том, что нищенство, как и бедность, будут неизменными спутниками человека, библейский Моисей предвещал более 3 тысячелетий тому назад, призывая не отказывать им в помощи: «…ибо нищие всегда будут среди земли [твоей]; потому я и повелеваю тебе: отверзай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей» (Втор.15:11).

Тот же прогноз и многократный призыв, но иными словами и в другом религиозном контексте, не раз повторяется в Евангелиях, как, например, у Марка устами Иисуса: «…Ибо нищих всегда имеете с собою и, когда захотите, можете им благотворить» (Мк. 14:7).

В иудаизме нищенство порицается, и Пятикнижие Моисея многократно требует от лидеров и членов иудейских общин делать все возможное, чтобы вернуть своих нищих на путь

[29] Бутовская М. Л., Дьяконов И. Ю., Ванчатова М. А., *Бредущие среди нас. Нищие в России и странах Европы, история и современность*, М., «Научный мир», 2007.

истинный. Именно на этом обычае и построена с библейских времен и до наших дней еврейская традиция благотворительности.

Христианство, усвоив библейский завет о милосердии к бедным и нищим, пошло значительно дальше, поместив нищего (вообще – бедного) в центр религиозной доктрины и построив на их почитании и поддержке свою концепцию благотворительности. Нищие становятся теологической необходимостью – «наместниками» Спасителя на этом свете. Смысл их существования, как посредников между «земным» и «небесным», состоит в том, чтобы отмаливать грехи подателей милостыни и открыть им – теперь уже бывшим грешникам – путь к спасению души и жизни на Небесах.

Христианское отношение к бедным и нищим – оно наглядно проявляется и в наши дни – таково: подавать им милостыню нужно вне зависимости от того, заслуживают они ее или нет. Об этом красноречиво сказал еще в 4 веке н. э. Иоанн Златоуст, один из отцов христианской церкви: «Ты не должен разузнавать бедных, что они за люди. Одна защита у бедного – недостаток и нужда. Не требуй от него ничего более, но, хотя бы он был самый порочный человек, утоли голод его»[30].

Церковь, как католическая, так и православная (чего, заметим, не стало в протестантстве) лелеяла нищенство, как явление, которое выше всех земных состояний, допуская добровольную нищету. Тот особый христианский подвиг, который наиболее ярко проявился у католических нищенствующих орденов, таких, к примеру, как бенедиктинцы и францисканцы. Нищелюбие на Руси, по словам русского историка В. Ключевского, считалось условием личного нравственного здоровья, а само явление нищенства было не «экономическим бременем и язвою общественного порядка», а состоящим при церкви практическим институтом общественного благонравия[31].

Радикальные критики христианства неоднократно обвиняли церковь в развращении бедноты подачками и тем самым в искусственном культивировании нищенства, которое, мол, именно поэтому стало «неизменным спутником» человечества. Философ и «антихристианин» Ницше громогласно заявил – в духе модного в его время социального дарвинизма, что сострадание разносит заразу страдания, парализует закон селекции, поддерживая жизнь в том, что созрело для гибели, борясь с жизнью в пользу обездоленных и осужденных ею[32]. Хотя у подобных обвинений против церкви имеются некоторые основания, если вспомнить хотя бы разлагающее влияние нищенских орденов, достигшее апогея к началу эпохи Реформации, вряд ли в этом была главная причина традиционного нищенства.

Как в библейские времена, так и сейчас, исходные факторы бедности и нищеты – социальное и экономическое неравенство, стихийные бедствия и катастрофы, болезни и неудачи. Однако их масштабы, несомненно, могут быть приумножены, или, наоборот, уменьшены культурными, в том числе, религиозными традициями, и, конечно же, структурными изменениями общества и социальной политикой государства.

Авторы ранее упомянутой книги «Бредущие среди нас» справедливо утверждают, что нищенство, как вынужденное, так и профессиональное, демонстрируя свое стабильное существование в истории всех стран и народов, особенно оживляется на сломе эпох – социальном и экономическом, промышленном и технологическом, ну и конечно, после природных и прочих крупных катастроф.

Так было в Европе, особенно в Англии, после первой промышленной революции, родившей капитализм. Тогда миллионы обнищавших крестьян и ремесленников наводнили дороги

---

[30] Цит. по публикации *«Сливки нищего общества»,* журнал «Деньги», Москва, №30 (685) от 04.08.2008

[31] В. О. Ключевский, *Добрые люди на Святой Руси.* – В книге «Исторические портреты» М., «Правда», 1990, с.77—94.

[32] Фридрих Ницше, *Антихристианин, Опыт критики христианства*, в сборнике «Сумерки богов», М., Политиздат, 1989, с. 22.

и города, вынудив Елизавету I принять в 1601 году знаменитые законы о бедных, хотя и упорядочившие, но не ликвидировавшие нищенство.

В России с ним на переломных этапах пытались бороться как кнутом, так и милосердием. Особенно усердствовали, но почти безуспешно, Петр I, Екатерина II и их наследники.

Массовым нищенством ознаменовалось после Первой мировой и гражданской войн, вступление России в «эпоху социализма».

Но большевики – вероятно, единственная власть в истории – сумели железной рукой его ликвидировать или задвинуть в подполье, объявив тунеядство и попрошайничество уголовными преступлениями и загнав вековечных «сирых и блаженных» на паперти оставшихся церквей. Устранив нищенство и уравняв в терпимой бедности подавляющее большинство населения перераспределением национализированного частного богатства, они также сделали ненужной и традиционную благотворительность.

Однако с крахом коммунизма все встало на свои места. В последние десятилетия феномен возрождения нищенства на сломе эпох наглядно проявляется на всем постсоветском пространстве. На этот раз – в связи с медленным, но мучительным обратным «переходом от социализма к капитализму».

Свой взлет бедности и нищенства во время индустриальной революции второй половины 19 века, завершившейся созданием самой продвинутой модели капитализма, пережили и США.

Тогда могучие волны бедных иммигрантов, обнищавших фермеров и ремесленников затопили крупные индустриальные центры, породив снизу встречное движение за смену «развращающей благотворительности» на жесткое ее регулирование с помощью «рациональной филантропии» (все перипетии этих процессов будут рассмотрены в книге 2, посвященной истории филантропии в Америке).

Нищенство в Америке никуда не делось и за 30 лет, прошедшие со времени выхода книги К. Бакала, несмотря на высокий в целом уровень жизни в стране и возможность, когда приходит нужда или беда, получить социальную помощь государства или благотворительных организаций.

Особенно развита эта «спасительная сеть» (safety net) в Нью-Йорке. Социальные службы государства и бесприбыльного сектора, включая те, что принадлежат религиозным учреждениям всех конфессий, могут накормить, одеть, дать временный приют и работу, обучить полезной профессии, помочь оформить государственную помощь (вэлфер), дать житейский совет, короче – направить на «путь истинный».

И все же попрошайничество всех видов, в том числе и то классическое, что описано Бакалом, всегда было более заметно в «столице мира». Здесь особенно много иммигрантов, а доля в его населении афро- и латиноамериканцев, намного более бедных, чем большинство белого населения, не так давно превысила 50%. Это неизбежно обостряет социальные контрасты, рождая и попрошайничество, особенно во времена спадов и рецессий в экономике с их скачком безработицы и бездомности.

Но сюда же всегда тянуло, как магнитом, и профессиональных нищих. Более того, здесь ими и становились, имея ввиду исключительную возможность поживиться не только у щедрых и сострадательных жителей демократической столицы Америки, но и у миллионов туристов и деловых гостей города. Последние нередко чаще и щедрее местных жителей одаряют нищих или …откупаются от них, когда те становятся слишком назойливыми. Поэтому на улицах, в поездах метро, на вокзалах, вообще в людных местах Нью-Йорка, нередко встречаешь людей с протянутым в руке картонным стаканчиком или коробкой на тротуаре.

Вот несколько наблюдений автора за попрошайничеством в Нью-Йорке в последние годы.

…Зимним вечером на перекрестке одной из оживленных улиц города, где расположены театры, рестораны и бары, примостился у стены изможденный афроамериканец средних лет

и, молча позванивая стаканчиком с мелочью, давал знать прохожим, что он просит подаяние. Один из них, с видеокамерой в руках, скользнул ее объективом по фигуре нищего. Тот возмущенно вскочил и, размахивая руками, направился к прохожему, чтобы сказать все, что он о нем думает. Ведь видеолюбитель пытался заснять его в унизительном положении, покушаясь на его достоинство и частную жизнь. Прохожий рассыпался в извинениях, даже пытался дать ему какие-то деньги, но тот отверг их и, возвращаясь на «рабочее место», продолжал гневаться. Публика, проходившая мимо, бросала на смущенного видеолюбителя осуждающие или… сочувствующие взгляды.

Подальше другой афроамериканец с белозубой улыбкой, приплясывая от холода, дружелюбно обращался к прохожим с вопросом: «Скажи, приятель, разве тебя не тяготит мелочь в кармане? Не дай ему порваться окончательно, поделись ею со мной!». Мол, это взаимовыгодно: помогая мне, ты помогаешь себе. Или: это я тебя облагодетельствую, забирая надоевшую мелочь. Удачная шутка в нищенском деле может оказаться весьма доходной.

…Почти на всех пересадочных станциях нью-йоркского метро можно услышать пение и инструментальную музыку – от классической до рэпа – на инструментах со всего мира, фабричных и кустарных (из последних, по разряду ударных, широко используются днища пластиковых ведер), в исполнении одиночек и ансамблей, профессионалов и любителей, детей, юношей и пожилых, представителей многих рас, народов и этносов.

Мотивы появления певцов и музыкантов в метро, а летом на улицах, в парках и на площадях, могут быть самыми разными – от желания испытать себя на публике и заявить о себе (нередко будущие знаменитости начинали свою исполнительскую или сценическую карьеру в метро) до желания подработать на развлечения или увлечения, но чаще – на хлеб насущный. За редкими исключениями, качество исполнения довольно низкое, но люди охотно кладут доллары и мелочь в футляры от инструментов, особенно часто – юным музыкантам. Это, в большинстве случаев, скрытая форма подаяния, которая больше импонирует американцам, чем голая милостыня – ведь люди пытаются заработать, предлагая им взамен некое развлечение на ходу…

…В Бруклине, на авеню Кони-Айленд, возле входа в похоронный дом собралась по печальному поводу – проводы в последний путь соседки по дому – небольшая группа пожилых людей, иммигрантов из бывшего Союза. Возле них остановилась автомашина приличной марки, из которой вышел человек лет 30 в экзотическом хасидском одеянии – в халате и шляпе черного цвета, в белых чулках и, конечно, с длинными пейсами. Он подходил к каждому и, протягивая руку, просил, нет, скорее требовал подаяние, и деловито, без слов благодарности, собирал с каждого по доллару. Закончив эту работу, он ушел к машине… Что ж, таков еврейский (и не только) обычай на похоронах – непременно подавать милостыню не просто нищим, а всем нуждающимся. Молодой и, наверное, уже многодетный хасид считал, что он определенно к ним относится, в отличие от ее подателей…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.